

ОБРАЗ СЕЛА КАК ХРАНИТЕЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОВЕСТЯХ БОРИСА МАЗИХОВА «ПОРА ЛИСТОПАДА», «СЕЛЬСКИЕ ВЕЧЕРА»

Н.Б. Бозиева

В статье рассматривается творчество кабардинского писателя и журналиста Бориса Беслановича Мазихова (1940–2020), развивавшееся в послеоттепельный период. Исследование ориентировано на выявление и характеристику философско-антропологического и этнокультурного содержания повестей Мазихова, их роли в сохранении и трансляции адыгской традиционной картины мира. Впервые повести «Пора листопада» и «Сельские вечера» рассматриваются не как отдельные произведения, а как концептуальное единство, в котором через противопоставление подлинной (онтологической) и ложной (ритуальной) форм памяти раскрывается авторская концепция личности и народа. Использование сравнительно-типологического и герменевтического методов при анализе этих произведений, в центре которых находится жизнь сельского сообщества, позволило показать, что обращение к деревенской тематике в 1970–1980-е гг. было для национальных литератур способом осмысления и сохранения этнической самобытности в условиях унификации советской культуры. Особое внимание уделяется тому, как Мазихов отходит от соцреалистической идеализации, изображая своих героев реалистично, с присущими им слабостями и противоречиями, что делает его героев более «живыми» и близкими читателю. На примере повести «Сельские вечера» раскрывается авторская критика трансформации похоронных обрядов, где стремление «быть не хуже других» вступает в конфликт с древними адыгскими обычаями и народной мудростью. Делается вывод, что писатель не призывает к радикальному отказу от традиций, но через философскую снисходительность и включение притч (притча о ненасытном сердце) предлагает читателю самостоятельно осмыслить нравственные дилеммы. Материалы исследования могут быть использованы в курсах по истории литератур народов России, в спецкурсах по северокавказской прозе, а также при подготовке комментариев к собранию сочинений Б. Мазихова.

Ключевые слова: Борис Мазихов, кабардино-черкесская литература, жанр повести, образ села, национальная идентичность, адыгская культура, соцреализм.

Для цитирования: Бозиева Н.Б. Образ села как хранителя национальной идентичности в повестях Бориса Мазихова «Пора листопада», «Сельские вечера» // Известия СОИГСИ. 2026. Вып. 61 (100). С.117-123. DOI: 10.46698/VNC.2026.100.61.011

Поступила в редколлегию: 24.06.2026 г.

Принята к публикации: 15.09.2026 г.

Сегодня, когда мир быстро меняется, границы между культурами стираются, а все вокруг становится похожим одно на другое, особенно остро встает вопрос: как народу сохранить свое лицо, свои традиции и не раствориться в этой всеобщей глобализации? Литература тут оказывается одним из главных хранителей – именно в ней закреплены уникальные коды, ценности и представления о жизни. В этом смысле кабардино-черкесская проза второй половины двадцатого века – явление значительное. А среди авторов, которые в ней работали, особое место занимает Борис Бесланович Мазихов. Его повести «Пора листопада» (1988) и «Сельские вечера» (1997) можно рассматривать как своеобразный диптих – две части одной большой картины. Сквозь, казалось бы, бытовые зарисовки из жизни сельского общества автор выходит на серьезные философские вопросы: что такое память и что значит забыть, какой долг у нас перед теми, кто жил до нас, и перед теми, кто рядом, существует ли справедливость, зачем нужна связь поколений и как принять неизбежность смерти. Разбирая

эти повести, можно не только лучше понять особенности кабардино-черкесской литературы, но и увидеть универсальные способы, которыми народы сохраняют себя в постоянно меняющемся мире.

В современном кабардино-черкесском литературоведении творчество Б.Б. Мазихова рассматривается чаще всего в контексте развития национальной прозы второй половины XX века. Исследователи (С.М. Алхасова, Н.Б. Бозиева) замечают, что его поэтика во многом перекликается с русской «деревенской прозой». Но что именно составляет суть его метода – как он умудряется сочетать внешнюю простоту с глубиной, – об этом чаще лишь упоминают вскользь, а не разбирают по-настоящему системно.

Для анализа философско-антропологического содержания повестей необходимо кратко охарактеризовать творческий путь писателя. «Мазихов Борис Бесланович (1940–2020) – кабардинский писатель, журналист. Его первые произведения появились еще в 60-е гг. Он автор многих книг на кабардинском и русском языках. Наиболее значительные из них – сборники рассказов и новелл “Вагъуэзэшибл” (Звездный ковш. 1969), “Пццашхъуэ хужь” (Белая ласточка. 1970), “Мазэхэ жэщ” (Ночь безлунная. 1975), “Проблеск” (1978), “Бжыхьэр пццашэ пылъэлгыжыгъуэщ” (Осень – пора листопада. 1982), “Бжыхьэ макъамэхэр” (Осенние мотивы, 2008) и др.» [1, 80].

Борис Мазихов принадлежит к плеяде адыгских авторов, начавших свой путь в литературу в середине 1960-х гг. XX в., когда в советской прозе начинает постепенно завоевывать позиции метод, который исследователи справедливо назовут «соцреализм с человеческим лицом». Культурные сдвиги, которыми отмечен период «оттепели», дают свободу отойти от героя-носителя нравственного максимализма и повернуться к человеку без прикрас, со всеми его противоречиями и сомнениями. Своим творчеством Б. Мазихов внес новый импульс к развитию кабардинской прозы. Он – автор повестей «Бжыхьэр пццашэ пылъэлгыжыгъуэщ» («Пора листопада»), «Мыл чэщанэ» («Ледяное надгробие»), «Щхьэгъусэншэ нысашццэ» («Выстрадавшее счастье»), «Пццашхъуэ хужь» («Белая ласточка»), «Къуажэ пшыхьхэр» («Сельские вечера»). Как справедливо отмечает С.М. Алхасова, в основе повестей Мазихова лежат «значительные перемены в социальной и политической жизни, в быту, в психологии людей за последние десятилетия, художественная потребность понять и показать их» [2, 242].

В центре внимания повестей Мазихова «Пора листопада» (1988) и «Сельские вечера» (1997) находится село и его жители. Этот фокус на деревенской жизни, характерный для кабардино-черкесской литературы 1970-80-х гг., не случаен. У Мазихова село выступает хранителем не через идеализацию патриархального уклада, а через воспроизведение механизмов народной этики: коллективное обсуждение поступков, включение притч в повседневную речь. Село в свою очередь исторически воспринималось как хранилище национальной идентичности и традиций, а его обитатели – как носители народной мудрости. В период, когда многие авторы из национальных меньшинств остро ощущали угрозу утраты самобытности и обезличивания в общенациональном контексте, обращение к образу села становилось не просто ностальгическим отступлением, но и осознанным способом осмыслить и сохранить свою уникальность.

Борис Мазихов выступает не слепым апологетом адыгской культуры, но глубоко разделяет философию своего народа, предлагая ее критическое осмысление. Его произведения позволяют читателю увидеть, как вековая народная мудрость проявляется не в абстрактных постулатах, а в повседневных жизненных ситуациях, в поступках, в диалогах. Мазихов не пытается приукрасить своих героев. Он показывает их такими, какие они есть, – со всеми плюсами и минусами. С одной стороны, эти люди крепко держатся за свои корни и традиции, и это их сильная сторона. Но с другой – они не без греха: бывают жадными, трусливыми, часто сомневаются, ошибаются, оглядываются на чужое мнение. Именно эта неоднозначность и делает их живыми и понятными любому читателю.

В «Сельских вечерах» Мазихов поднимает темы, которые и сегодня не потеряли остроты. Одна из них – похоронные обряды. Через них писатель вскрывает серьезный конфликт. С одной стороны – старая, архаичная этика: скромность, уважение к предкам, опора на общину. С другой – советская, а потом и постсоветская привычка жить напоказ, когда главное – «быть не хуже людей», демострируя атрибуты достатка. Этот конфликт не просто двигает сюжет – за ним стоят глубинные сдвиги в культуре и нравственности.

Для самого Мазихова этот конфликт становится отправной точкой в размышлениях о памяти. О том, что такое настоящая память, а что – лишь ее видимость, пустая форма. А это, по сути, главная тема всего диптиха.

Автор критикует современные тенденции, когда, следуя соседскому примеру и стремясь не отставать от других, кабардинцы устраивают пышные похороны и поминки, зачастую влезая в долги и лишая себя средств к существованию. Это расходится с древними обычаями, по которым в первые дни после смерти огонь в доме не зажигали, родственников кормили соседи, а проведение поминок зависело от достатка семьи.

Вскрывая недостатки некоторых обычаев, Мазихов не призывает к их радикальному отказу. Он знает человеческую природу и особенности адыгского восприятия. Диалог отца Хацу с сыном Адалби демонстрирует эту сложность: «Вот и стань таким смелым... Когда мы с матерью умрем... Когда люди соберутся на наши похороны, ты им скажешь: “С нынешнего дня не будет ни деура, ни поминок, этот обычай устарел”. “Нет, я так сделать не смогу”, – отвечает сын, минуту назад призывавший отречься от глупых обычаев» [3, 37]. В этом диалоге – ключ к авторской позиции Мазихова: он не предлагает готовых решений, а показывает трагизм человеческой слабости, где рациональное понимание («обычай устарел») разбивается о социальный страх и инерцию традиции.

Таким образом, автор избегает осуждения, показывая, что слабости присущи всем. Его цель – не заклеить, а помочь разобраться, опираясь на народную мудрость, что иллюстрируется древней притчей.

Притча о ненасытном сердце служит философским ключом, задавая онтологическую рамку: алчность – свойство человеческой природы, преодолемое лишь смертью. Это сближает повесть Мазихова с жанром философской притчи. В ней раскрывается тема алчности через образ мешочка, сделанного из человеческого сердца, который постоянно растягивается, оставаясь ненаполненным. Мудрая женщина объясняет: «Никто его не наполнит... Этот кошелек сделан из человеческого сердца. А человеческое сердце ненасытно, ему все мало... Алчности человека приходит конец только со смертью. И тогда его сердце наконец насытится. Попробуй засыпать этот кошелек землей» [3, 40]. Образ ненасытного сердца становится метафорой памяти, требующей истинного поминовения, а не материальных знаков.

В жанровом отношении «Сельские вечера» тяготеют к циклической структуре, близкой к роману в новеллах, что генетически восходит к фольклорной традиции адыгов. Части произведения («Добряк», «Танец Сани» и др.) объединены общим хронотопом села и сквозным сюжетным стержнем – похоронами Хасана, придавая ему жанровое своеобразие на стыке повести и цикла рассказов.

Созерцательность, афористичность суждений и философская снисходительность роднят повесть Мазихова с народными легендами и преданиями. Автор поднимает бытовые и социальные проблемы, наделяя их универсальным выводом.

История Сани, демонстрирующая несложившуюся личную жизнь, затрагивает сложную тему по адыгским меркам. Через нее Мазихов показывает, что национальная идентичность – это живой диалог между традицией и историческим опытом народа.

Тема жизненного предназначения женщины, оказавшейся в сложных жизненных обстоятельствах, неоднократно поднимается писателем. Показывая соответствие ситуации адыгской традиции левирата (замужество вдовы за родственником погибшего мужа), Мазихов акцентирует гуманистический аспект – заботу о сохранении жизни. В повести «Пора листопада» старик Кургоко, потерявший сына, проявляет заботу о невестке Хафисат, находя ей нового мужа, считая, что жить ей «бобылкой» – «не по-людски и не по-божески» [4, 12]. Автор заявляет: жизнь не должна прерываться, человек не должен оставаться один.

Одной из центральных тем творчества Мазихова является осознание бренности бытия. Старик Кургоко легко рассуждает о преходящести жизни, сравнивая ее с лесом, где старым деревьям необходимо уступить дорогу молодым росткам. Внук Алихан замечает, что дед строго соблюдает религиозные обряды, но скорее по привычке: Бог для Кургоко – олицетворение всего непостижимого и таинственного, чего он сам не смог постичь.

Смерть, уравнивающая всех – вне зависимости от статуса или убеждений, – остается неразгаданной загадкой для героев Мазихова. Ответ, к которому они приходят, – это память. Это противопоставлено критике пышных похорон в «Сельских вечерах»: для Кургоко важна не внешняя обрядность, а внутреннее ощущение завершенности и доброй памяти. Мазихов последовательно проводит мысль: подлинная память нематериальна. Память, которую нельзя купить и которая воздает каждому по заслугам, являясь высшей формой справедливости. Именно поэтому для старика Кургоко так важно совершить последнее путешествие к могиле сына Хабилы, погибшего на войне. «Конечно, он был убит, ушел из жизни намного раньше своего отца, что само по себе было непостижимой несправедливостью. И все же видеть его во сне или беседовать с ним – одно, а присесть на могиле – совсем другое» [4, 5]. Прикоснувшись к надгробию, старик ощущает завершенность жизненного пути. Он видит, что все, чему надлежало случиться, случилось, и его сын будет жить в памяти. «Нам нечего стыдиться, нас будут поминать добром, а это – великое благо» [4, 15] – таковы его последние мысли.

Даже в рамках небольших произведений Мазихов достигает значительной глубины. Повесть «Пора листопада» особенно ценна своей атмосферой, яркими сравнениями и воспоминаниями, пробуждающими тонкие лирические переживания. Критик С. Алхасова справедливо отмечает: «Простота тут не нечто упрощенное, а философски сложное понятие. За внешней предельной ясностью выступает глубокое содержание» [1, 261]. Герои Мазихова одновременно просты в общении и сложны в своей мудрости, размышлениях и жизненном опыте. Эти черты особенно проявляются у тех, кто пережил войну: их отличает не только особая психология, но и исключительная нравственная память.

Решение Кургоко выдать замуж вдову погибшего сына за племянника, а также его любовь к внукам словно к родным детям, демонстрируют огромную силу духа. «Не должна прерываться жизнь» [4, 12] – эти слова несут в себе веками выработанную мудрость горцев, их образный язык и глубокий философский смысл. В повести звучит настоящий гимн жизни: «косят ее, калечат, бьют, рубят под корень, а она все множится и ширится, человеческая рать. И нет такого горнила, через которое она не прошла бы, нет такой пропасти, какую бы она не одолела» [4, 15]. Автор восхваляет стойкость человека, его способность подниматься и продолжать жить. В то же время повесть полна скорби: «Кончилась война, а беды, что принесла она на эту землю, все еще дают о себе знать. И долго еще будут цвести и колоситься посеянные войной несчастья» [4, 5].

Однако главное послание «Поры листопада» – это бесценный урок старения и осмысления прожитого: «старость – это пора листопада». Суть этого урока – в признании всеобщего родства людей: «Люди – это единая семья, негоже им жить сам за себя и иметь разные интересы; негоже воевать друг с другом... Нету чужих! Смекаешь?

Вообще нету! Все свои, все родные, все братья! Вот в чем вся соль!» [4, 21]. Эту максиму – «нету чужих» – можно рассматривать как этический ключ ко всему диптиху Мазихова. Если в «Сельских вечерах» автор показывает, как традиция может стать источником социального давления («быть не хуже других»), то в «Поре листопада» он возвращается к ее глубинному смыслу – всеобщему родству.

Если в «Поре листопада» Мазихов сосредоточен на внутреннем, субъективном переживании памяти стариком Кургоко, то в «Сельских вечерах» он выводит ту же проблему в социальное поле – исследуя, как память искажается под давлением общественного мнения и потребительской психологии. Обе повести, таким образом, образуют диптих: в первой дается идеал памяти (тихая мудрость Кургоко), во второй – ее кризис в современном мире.

Таким образом, Мазихов не просто изображает войну как трагедию, оборвавшую множество жизней, – он осмысливает ее как нарушение фундаментального нравственного закона. Восстановление этого закона через доброту, память и признание «нету чужих» становится главным уроком творчества Мазихова. Произведения писателя отличаются глубокой эмоциональностью, отражая дух кабардинского народа, его уникальные черты и нравственные ориентиры. В них исследуются вечные понятия, волнующие всех: любовь, верность, дружба, память, долг.

Проведенный анализ повестей Бориса Мазихова «Пора листопада» и «Сельские вечера» позволяет заключить, что образ села у Мазихова является не столько фоном, сколько художественным пространством, в котором архаическая традиция и советская модернизация, народная этика и бытовая ритуалистика, подлинная память и ее имитация вступают в напряженный диалог. Село выступает как «лаборатория» для проверки нравственных принципов личности в переломную эпоху. В повести «Пора листопада» устами старого Кургоко Мазихов предлагает свой взгляд на память, суть которого заключается в том, что жизнь человека обретает вес, когда он осознает себя лишь звеном в длинной цепи поколений, когда принимает смерть не как катастрофу, а как естественный шаг, и когда стремится оставить после себя добрый след. А вот «Сельские вечера» показывают, как этот стройный порядок дает сбой. Тут похоронные обряды превращаются в нечто самодостаточное – их исполняют уже не потому, что надо почтить память, а потому что «так положено». И внутри этих ритуалов пустота. Мазихов дает понять: если следовать обычаям механически, без души, это ни к чему хорошему не приведет. Получается, что две повести спорят друг с другом: «Пора листопада» задает планку, а «Сельские вечера» проверяют, выдержит ли она столкновение с советской реальностью.

Через ключевую фигуру Кургоко в «Поре листопада» автор проговаривает свои главные мысли. Его «философия листопада» – рассуждения о том, что все проходит, что смерть – это подведение итогов, и что все люди между собой так или иначе связаны, – это по сути литературное переложение адыгской картины мира, корнями уходящей в «адыгэ хабзэ». Но важно вот что: Кургоко не похож на ходячую истину в последней инстанции. Он живой человек – сомневается, спорит со смертью, мучительно ищет ответы на вопросы, на которые ответов, может, и нет. И его «память по совести» – когда он помнит добро и старается восстановить справедливость – становится альтернативой и показной щедрости, и пустым обрядам.

В «Сельских вечерах» Мазихов шаг за шагом разбирает, как народная этика ломается под давлением советского быта. Поминки превращаются в смотр кошельков. Одинокая женщина оказывается за бортом общества. Одни и те же поступки люди оценивают по-разному – смотря кто их совершил. Но было бы ошибкой думать, что Мазихов высмеивает саму народную традицию. Нет. Он ведь рядом с этими сценами ставит притчи предков – историю о ненасытном сердце, образ сада, через который

проглядывает неравный брак. Все это не высмеивание, а горечь от того, как традицию выхолащивают, превращают в пустую форму.

Мазихов пишет вроде бы просто, реалистично, но в этой простоте кроется притча. Он не учит читателя свысока, не читает нотаций. Вывод – нравственный, философский – рождается сам собой, когда сталкиваются разные голоса: Кургоко и его внук Алихан, Хафисат и деревенские сплетницы. Читатель словно оказывается внутри ситуации и сам должен сделать вывод. Критики не раз писали про внешнюю простоту языка и сюжета у Мазихова. Но эта простота обманчива – за ней сложность, которая требует от читателя работы души.

Повести Мазихова – о кабардинском селе, об адыгских обычаях, о советской реальности, но сводить их к этнографии было бы неверно. Потому что вопросы, которые он ставит, – это вопросы к любому человеку, где бы он ни жил: что остается после нас? что такое настоящая, а не показная память? как сохранить человеческое достоинство перед лицом смерти и несправедливости? Именно это – укорененность в родной почве и одновременно выход к общечеловеческому – и делает прозу Мазихова настоящей, способной задеть читателя любой культуры.

Творческое наследие Бориса Мазихова еще не исчерпано для научного изучения. Среди возможных направлений – сопоставление его поэтики с произведениями представителей русской «деревенской прозы»; исследование того, как малые прозаические формы писателя складываются в циклы; анализ женских образов – их положения на стыке патриархального уклада и процессов модернизации.

1. Бозиева Н.Б. Малая проза в творчестве кабардинского писателя Б. Мазихова // Культурология, искусствоведение и филология: актуальные вопросы: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Чебоксары: Среда, 2021. С. 80-83.

2. Алхасова С.М. Мазихов Борис Бесланович = Мэзыхъэ Борис Беслъэн и къуэ (1940-2020) // Адыгские (адыгейские, кабардинские, черкесские, черкесского зарубежья) писатели XIX–XXI вв. Биобиблиографический словарь. В 3-х тт. Нальчик: Принт Центр, 2022. Т. II: К–П. С. 240-243.

3. Мазихов Б.Б. У каждого своя улица: Повести, рассказы / Пер. с кабард. Нальчик: Эльбрус, 1997. 256 с.

4. Мазихов Б.Б. Пора листопада: Повести, рассказы / Пер. с кабард. М.: Советский писатель, 1988. 270 с.

5. Алхасова С.М. Мазихов Борис Бесланович // Писатели Кабардино-Балкарии. XIX – конец 80-х гг. XX в. Биобиблиографический словарь. Нальчик: Эль-Фа, 2003. С. 260-262.

Bozieva, Naima B. – Kh.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University (Nalchik, Russia); <https://orcid.org/0000-0002-0767-2825>; naimabozieva@mail.ru

THE IMAGE OF THE VILLAGE AS A KEEPER OF NATIONAL IDENTITY IN BORIS MAZIKHOV'S STORY "LEAF FALL TIME" AND "VILLAGE EVENINGS".

Keywords: Boris Mazikhov, Kabardino-Circassian literature, novella genre, village image, national identity, Adyghe culture, socialist realism.

This article examines the work of Kabardian writer and journalist Boris Beslanovich Mazikhov (1940–2020), which developed in the post-Thaw period. The study aims to identify and characterize the philosophical, anthropological, and ethnocultural content of Mazikhov's stories and their role in

preserving and transmitting the Adyghe traditional worldview. For the first time, the stories “Leaf Fall Time” and “Village Evenings” are examined not as separate works, but as a conceptual unity in which the author’s conception of the individual and the nation is revealed through the juxtaposition of genuine (ontological) and false (ritual) forms of memory. The use of comparative typological and hermeneutic methods in analyzing these works, which focus on the life of a rural community, allows us to demonstrate that turning to rural themes in the 1970s and 1980s served as a means for national literatures to understand and preserve ethnic identity in the context of the unification of Soviet culture. Particular attention is given to Mazikhov’s departure from socialist realist idealization, portraying his characters realistically, with their inherent weaknesses and contradictions, making them more “real” and relatable to the reader. Using the story “Village Evenings” as an example, the author reveals his critique of the transformation of funeral rites, where the desire to “be no worse than others” conflicts with ancient Adyghe customs and folk wisdom. It is concluded that the writer does not call for a radical rejection of tradition, but through philosophical condescension and the inclusion of parables (such as the parable of the insatiable heart), invites the reader to independently reflect on moral dilemmas. The research materials can be used in courses on the history of Russian literature, in specialized courses on North Caucasian prose, and in preparing commentaries for the collected works of B. Mazikhov.

For citation: Bozieva, N.B. The image of the village as a keeper of national identity in Boris Mazikhov’s story “Leaf Fall Time” and “Village Evenings” // *Izvestiya SOIGSI*. 2026. Iss. 61 (100). Pp. 117-123. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2026.100.61.011

References

1. Bozieva, N.B. *Malaya proza v tvorchestve kabardinskogo pisatelya B. Mazikhova* [Short fiction in the works of the Kabardian writer B. Mazikhov]. *Kul'turologiya, iskusstvovedenie i filologiya: aktual'nye voprosy. Mat-ly Vseros. nauch.-prak. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Cultural studies, art criticism, and philology: Current issues. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation]. Cheboksary, Sreda, 2021, pp. 80-83.
2. Alkhasova, S.M. *Mazikhov Boris Beslanovich (1940-2020)* [Mazikhov Boris Beslanovich]. *Adygskie (adygeiskie, kabardinskie, cherkesskie, cherkesskogo zarubezh'ya) pisateli XIX–XXI vv. Biobibliograficheskii slovar'. V 3-x tt.* [Adyghe (Adyghe, Kabardian, Circassian, Circassian diaspora) writers of the 19th–21st centuries. Biographical dictionary. In 3 vols]. Nalchik, Print Tsentr, 2022, vol. II: K–P, pp. 240-243.
3. Mazihov, B.B. *U kazhdogo svoya ulitsa: Povesti, rasskazy* [Everyone has their own street: Novellas, Stories]. Nalchik, El'brus, 1997. 256 p.
4. Mazihov, B.B. *Pora listopada: Povesti, rasskazy* [Leaf Fall Time: Novellas, Stories]. Moscow, Sovetskii pisatel', 1988. 270 p.
5. Alkhasova, S.M. *Mazikhov Boris Beslanovich* [Mazikhov Boris Beslanovich]. *Pisateli Kabardino-Balkarii. XIX – konets 80-kh gg. XX v. Biobibliograficheskii slovar'* [Writers of Kabardino-Balkaria. XIX – late 80s of the XX century. Biographical Dictionary]. Nalchik, El'-Fa, 2003, pp. 260-262.